

«ДА, ЭТО БОЛЬШОЙ!..»

В гостях у «Недели» артисты балета ГАБТ СССР, только что вернувшиеся из Парижа, они рассказывают о своих французских впечатлениях

Юрий ГРИГОРОВИЧ:

«Да, это Большая Гроздиная поставка на южное побережье Большого. В начале вечера может закрасться страх, что ты будешь присутствовать из своего рода голый вид «шоу», не в своем собственном вину перед великим «Спартак», но контрастами. И всем этим Юрий Григоревич управляет в законченном мастерстве».

Газета «Комба».

Наталья БЕССМЕРТНОВА:

«Я не был свидетелем эпохи Сергея Дягилева, но именно танчики и представлял себе Павлову или Нарсавину. Когда я видел Наталью Басисмертнову в «Жизели», перед моими глазами было явление Ольги Спешневой. Молодая советская танцовщица — героиня Теодора Готье докончила своих пальчиков».

Владимир ВАСИЛЬЕВ:

«Чтобы охарактеризовать Владимира Васильева, я ищу жеманно-новые слова. Известно, что он не сравненный технич. танцор и что его храброст. не равной. Это исполнител. который сделал из Спартана прост. гениальную композицию».

Кютершиа МАКСИМОВА:

«Чудесная Эн-
тарина Мансиноз
— балерина с блестящей техникой,
располагающая к
тому же удиви-
тельным силам
и лунным блес-
ком глаз, против
которых не воз-
можны усталость

Михаил ЛАВРОВСКИЙ:

«Идеальный» классический танцовщик Михаил Лавровский был технически ослепляющим. Он привлекал своим естественным изяществом и глубиной знаниям классического репертуара. Он в полном смысле этого слова настоящий благородный танцовщик».

Газета «Мирда».

Александр КОПЫЛОВ:

«Советская балетная труппа впервые приехала в советской поддержке и значении которой мы с вами не сравним», — восторженно восклицает Боярский; он исполняет музыку Чайковского так, как мы еще никогда не слышали».

БОЛЬШОЙ театр привык к гастролям, кочевой жизни, к одномоментной работе на двух сценах — будь то в Москве или в Москве и за границей — и все живые французские гастролеры оказались для нас очень сложными и по насыщенности репертуара, и по той нагрузке, которая выпала на долю всех участников поездки. А потом, Париж — всегда Париж, исконный артистический город, суверенный строго, с привычным апломбом, любящий диктовать моду.

И поэтому, конечно, самое волнующее парижских читателей — это гремящий оспавшим зал и в Гранд-Опера и во Дворце спорта; зал, заставлявший артистов бисировать, не отпускаявший их со сцены после спектаклей по полчаса в больше; зал, который своим восторженным подтверждал жи-

ЕСЛИ и были у меня какие-то сомнения перед гастролями, то развеялись они в основном двух мимолетных моментах: у нас контакт с огромным залом Дворца спорта и будет ли публикой «Дон-Кикота» — спектакль, который никак не называли современными. В Париже же сомнения были сразу же развеяны. Публика в Дворце спорта была удивительно, а «Дон-Кикот» привлек парижан живительностью — совсем как мы. Мы с Катей Максимовой были в Париже трижды и все три раза танцевали па-де-до из «Дон-Кикота». Так что когда мы и известные публике, но по сути далекие от балета артисты, выступили в Париже, то публика была в восторге.

ОБ ОБСТАНОВКЕ гастролей уже много сказано — прошли они хорошо, и принимали нас замечательно. Только вот устали очень — слишком много было спектаклей.

Публики я не боюсь — раньше уже выступала перед ней, во водоневне остаётся всегда. И потом выступать ещё раз перед уже известной публикой — это позвал ответственность для артиста. Когда тебя знают, ждут каждый раз нового. Как говорится, надо вперёд прыгнуть самой себе.

САМОЕ большое впечатление? Конечно, грандиозный успех балета «Спартак». Хотя он был принят, скорее всего, не столько нашими зрителями и жителями наших городов и в Англии, и в Италии, — перед Парижем и все-таки волновался — всем известно, какой это сложный, требовательный город. Однако именно в Париже. Если не считать тех впечатлений, которые оставили на нас балетные выступления, то балет «Спартак» — это оценка зрителем и критиком. И в это, так, что это наша славная победа в балетном искусстве. Я очень люблю наши другие спектакли, но «Спартак» — это по-настоящему революционный балет, переосмысленный по всей своей устремленности, и то,

САМОЕ сильное мое впечатление как дирижера — и не только мое, но и моего коллеги Альфреда Жюракиса — это то, что мы были в гастрольном ансамбле с нашим оркестром. И это способствовало созданию единого творческого почерка и стиля Большого театра.

Почти пятьдесят раз выступал как оркестр на сцене Гранд-Опера и во Дворце спорта, но кроме этого не участвовал во многих шефских концертах, которые давали в небольших городах вокруг Парижа, выступали в рабочих районах, где марши коммунисты. Вступая с молодыми Фланки-

жанность и современность искусства классического танца.

Мне бы не хотелось выделять персонального кого-нибудь из артистов — и совсем не потому, что выделять некого. Наоборот, наши прославленные балерины и танцовщики выступили в Париже в полную силу своего мастерства и таланта. Но столь высокую оценку я должен отнести и к труппе в целом — с максимальной отдачей работали все.

После сорокалетнего перерыва перед парижской публикой по сути дела выступало новое поколение актеров Большого театра, и наша молодежь, исключительно тепло встреченная зрителями и прессой, с частью представила за рубежом русскую и советскую школу балетистов.

В гастроли, да и вообще всегда, молчу-
юсь перед каждым спектаклем. Так бы-
ло и на этот раз, но перед «Жизнью» по-
ложение было совершенно иное. В 1970 го-
ду исполнение этой роли парижским Ален-
дема вызвало преследования при помощи
Анны Павловой, и, естественно, мне, пре-
жде никогда не выступавшей перед парижана-
ми, хотелось исполнить одну из самых
любимых моих партий как можно лучше. И
было приятно, что в стране, давшей миру
этот балет, наши спектакли прошли с боль-
шим успехом, вызвав впрямь удивление
на только у исполнителей, но и у зрителей,
и у прессы.

по-настоящему познакомиться с ней впервые. Для нас это знакомство было чрезвычайно важным.

Очень большое впечатление произвел на меня спектакль в Комеди Франсез «Ричард III» с превосходным Иршем в заглавной роли. И не только спектакль, но и сам театр, который нам показали, нашим французским друзьям. Мы долго бродили по его артистическим уборным, по костюмерным,

Впечатления масса... Но главное, дей-
ствительность — как в Париже, так и в Москве. Спешу на репетицию праздничного концерта во
Дворец съездов.

Изумительным, редчайшим впечатлением от Фрации будет для меня поездка вдоль Луары с ее знаменитыми замками, о которых прежде столько слышала, видела на фотографиях, но никогда не представляла, что они так прекрасны наяву. Каждый из них — шедевр архитектуры, а чтобы, созерцая подчас чудесные, они встали в воздухе хрустальными видениями. В короткий проемежток между спектаклями нам удалось увидеть все это.

что публика любила нашего героя и страстный спектакль, конечно же, нас обрадовало.

Приматным для меня событием стало при-
суждение мне премии имени Вацлава Ни-
жинского. Ее вручили в театре, посом по-
следней «Жизели», почти под занавес
гастролей. Так что есть что вспомнить...
Не было ли забавных эпизодов в поездке?
Утром — «Спартак», вечером — «Шенши-
тан» — вот что было забавно. Мне при-
шлось во время «Шенши-тан» заменить
Васюсу Васильеву, подвергнутого шуту. А
люблю все же работать напряженно, мно-
го, но было очень интересно.

были трогательными и незабываемыми. И, конечно, совершенно потрясающим и незабываемым было закрытие янских гастролей во Дворце спорта. Это был просто триумф нашего искусства, парад наших звезд. Публика буквально рваносла пятисоты тысяч. Топот ног, крик «браво», «бис», десятки букетов цветов, закрылись уже сцену, непревзойденные овации — все это забыл, непомню.

Рисунки Одэт Мишель Шантр
(Париж)